

УДК 930(517)

DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564

EDN: BCFYTS

**МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЕЕ ИДЕОЛОГИЯ В ОСВЕЩЕНИИ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ:
ОТ ПОЛЕВОГО ДО ПРЕСНЯКОВА**

Ю.И. Дробышев

*Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
altanus@mail.ru*

Цель исследования: данная работа нацелена на выявление в произведениях дореволюционных отечественных историков вопросов, имеющих отношение к различным аспектам существования Монгольской империи от ее предыстории до распада, с особым вниманием к идеологии ее лидеров.

Материалы исследования: в качестве основных источников взяты крупные труды пятнадцати известных отечественных историков XIX – начала XX вв.: Н.А. Полевого, М.П. Погодина, Н.Г. Устрялова, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева, К.Н. Бестужева-Рюмина, Д.И. Иловайского, Е.Е. Голубинского, В.О. Ключевского, А.В. Экземплярского, С.Ф. Платонова, М.К. Любавского, М.С. Грушевского, М.Н. Покровского, А.Е. Преснякова. Дополнительная информация черпалась из историографической и востоковедческой литературы.

Результаты и научная новизна: выполненный аналитический обзор дореволюционной российской историографии показал очень разную глубину проникновения историков в вопросы, касающиеся Монгольской империи. Для ряда специалистов империи словно не существовало, и все монголо-российские коллизии замыкались на Улусе Джучи; другие, напротив, демонстрируют хорошее понимание внутреннего устройства этого колоссального политического организма и протекавших в нем процессов. Объем информации о монголах и их империи в сочинениях историков-русистов по сути не зависит от числа доступных на тот или иной момент средневековых восточных источников и определяется, скорее, авторской позицией. Наряду с ошибочными мнениями, старая российская историография породила немало прозрений и гипотез, опередивших свой век.

Ключевые слова: российская историография, Монгольская империя, имперская идеология, монголы, средневековая Русь, монгольское нашествие

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Полевого до Преснякова // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 3. С. 537–564. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564 EDN: BCFYTS

**THE MONGOL EMPIRE AND ITS IDEOLOGY IN THE COVERAGE
OF PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIANS:
FROM POLEVOY TO PRESNYAKOV**

Yu.I. Drobyshev

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
altanus@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* This work is aimed at identifying in the works of pre-revolutionary Russian historians issues related to various aspects of the existence of the Mongol Empire from its prehistory to the collapse, with special attention to the presentation of the ideology of its leaders.

Research materials: The main sources are the major works of fifteen famous Russian historians of the XIX – early XX centuries: N.A. Polevoy, M.P. Pogodin, N.G. Ustryalov, N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov, K.N. Bestuzhev-Ryumin, D.I. Ilovaisky, E.E. Golubinsky, V.O. Klyuchevsky, A.V. Ekzemplyarsky, S.F. Platonov, M.K. Lyubavsky, M.S. Grushevsky, M.N. Pokrovsky, and A.E. Presnyakov. Additional information was drawn from historiographical and Oriental literature.

Results and novelty of the research: An analytical review of the pre-revolutionary Russian historiography showed a very different depth of penetration of historians into issues related to the Mongol Empire. For a number of specialists, the empire did not seem to exist, and all historical Mongol-Russian conflicts were confined to the Jochid Ulus. Others, taking a contrary approach, demonstrate a good understanding of the internal structure of this colossal political organism and the processes that took place inside it. The amount of information about the Mongols and Mongol Empire in the works of Russian historians were not dependent on the number of available medieval eastern sources at one time or another, being determined rather naturally by the author's position. Along with erroneous opinions, the Old Russian historiography gave rise to many insights and hypotheses that were ahead of their time.

Keywords: Russian historiography, Mongol Empire, imperial ideology, Mongols, medieval Russia, Mongol invasion

For citation: Drobyshev Yu.I. The Mongol Empire and its ideology in the coverage of pre-Revolutionary Russian historians: from Polevoy to Presnyakov. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 3, pp. 537–564. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-3.537-564 (In Russian)

Настоящая статья является непосредственным продолжением нашей работы «Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина» [14, с. 156–169]. Капитальный труд Н.М. Карамзина оказал серьезное влияние как на отечественную историческую мысль, в целом, так и на разработку вопроса о монгольском нашествии на Русь, в частности, и в этом отношении послужил важной вехой в развитии российской исторической науки. Ниже в хронологической последовательности рассматриваются труды только наиболее видных представителей отечественной историографии. Мы не даем оценок этим ученым как историкам и не оцениваем их произведения с точки зрения русистики, а подвергаем анализу лишь те части их сочинений, где речь идет о монголах. Проблеме «Русь и Орда» были посвящены и специальные работы дореволюционных

авторов, по большей части написанные на основе вторичной литературы, но они оставили довольно тусклый след и ныне практически забыты [1; 33; 45, с. 333–371; 46, с. 31–59; 48, с. 249–270]. Вне нашего внимания пока осталось научное наследие отечественных правоведов, многие из которых разрабатывали вопросы властно-правовых отношений между монгольской администрацией и русскими князьями, а также между самими князьями и народом. Также мы не касаемся работ российских востоковедов данного периода.

От прочих современных историографических работ¹ данную статью отличает фокусировка на вопросах, касающихся именно Монгольской империи: личности ее основателя – Тэмучжина/Чингиз-хана (1162?–1227), формирования в ее ядре протогосударственных структур и особой имперской идеологии, ее дальнейшего развития, экспансии и, наконец, дезинтеграции, как правило, рассматриваемых сквозь призму русско-монгольских отношений. В современной русистике эти вопросы обычно поднимаются в качестве контекстных, находящихся на периферии авторского внимания; тем более, они редко и фрагментарно затрагивались в трудах дореволюционных отечественных историков Руси. В какой-то степени это объясняется острой нехваткой восточных источников, доступных нашим историкам в XVIII–XIX вв., а отчасти, видимо, – специфическим подходом к работе с материалом. В результате складывалась довольно неполная и искаженная картина, в которой сама империя порой скрывалась за одной из своих частей – Улусом Джучи, монгольское нашествие изображалось едва ли не как стихийное бедствие, а сами монголы представляли в образе дикарей, движимых исключительно инстинктами грабежа и насилия. Разумеется, никаких идей «мироустройства» здесь разглядеть было невозможно: на долю кочевников оставалась только деструкция всего позитивного, что успела накопить к XIII в. оседлая цивилизация Евразии. Между тем, развитие исторической науки в последние десятилетия привело к пониманию феномена Монгольской империи как существенно более сложного политического организма, имевшего четко сформулированные принципы мирового господства и более-менее последовательно претворявшего их в жизнь.

Учитывая, что труды русских историков переиздаются до сих пор, их идеи по-прежнему оказывают заметное влияние на общественное сознание наших сограждан. Некоторые сложившиеся в старой отечественной исторической науке стереотипы порой проникают без критического осмысления в новейшие исследования, посвященные истории средневековой Руси и Золотой орды. Поэтому представляется необходимым и своевременным дать критический обзор российской историографии по данному вопросу.

Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) написал «Историю русского народа» как бы в пику Н.М. Карамзину, подчеркивая роль в исторических процессах народа, а не высшего сословия. Однако он сохранил карамзинский стиль изложения, сочетая очень живой, образный текст с сухими выписками из летописей в многочисленных примечаниях. Монголы в его повествовании появляются откуда-то с Востока только около 1224 г. [38, с. 292]. Автор вместе с древними летописцами сокрушается о случившемся, но никакой собственной аналитики не обнаруживает; все это ждет читателя в следующем томе

¹ Из их числа можно назвать: [16; 26; 32; 41; 50; 52; 55, с. 288–294].

его труда, где он ярко демонстрирует масштабность и провиденциализм своего мышления.

Похоже, помимо отечественной истории, автор был серьезно увлечен Востоком. Он приводит обильные этногенетические, этнонимические и религиоведческие материалы по народам Азии, демонстрируя изрядную эрудицию и одновременно допуская фантастические предположения. Надо полагать, Н.А. Полевой рассчитывал своими рассуждениями внести ясность в вопрос, кем же были монголы и откуда они взялись, но вместо этого только загромоздил рассказ лишними деталями. Кажется, ему до всего есть дело, и он пытается объяснить этимологию звания Чингиз-хана, толкуя ее как «Повелитель сильных» [39, с. 4]; сообщает об «Улус-Яссе», т.е. Великой Ясе [39, с. 52–53]; очень точно раскрывает перипетии европейской политики середины XIII в. [39, с. 54]; развенчивает, ссылаясь на анонимное мнение, чрезвычайно популярную в свое время «басню» о попе Иване, указывая на фонетическую близость имен Ивана и владыки керейтов «Оанг Хана» [39, с. 54–55]; критически рассматривает русские летописи о приходе Батыея (ок. 1209–1255/1256) на Русь [39, с. 69]; рассказывает о столице Монгольской империи – Хар-Хорине (Каракоруме), представлявшем, на его взгляд, «варварскую смесь великолепия и безвкусия» [39, с. 107]; отрицает религиозное наполнение монгольского обычая кланяться «тени Темудзина» [39, с. 134]; отмечает незаконный захват власти Хубилаем [39, с. 157]; и т.д.

Несомненно, сильная сторона Н.А. Полевого – владение обширными сведениями, добытыми из переводов восточных сочинений и трудов специалистов, умение анализировать и сопоставлять эти данные. Его главные источники по монголам – переводы Н.Я. Бичурина (1777–1853) из «Юань ши» и «Собрание летописей» Рашид ад-Дина (1247–1318) в изложении А.К.М. Д’Оссона (1779–1851), а также европейские сочинения, далеко не ограниченные обычно привлекаемыми творениями францисканцев – Плано Карпини (ок. 1182–1252) и Гильома де Рубрука (ок. 1220–1293). Он широко использует переписку понтификов и европейских монархов. Резко отличает его творчество последовательное именование монголов монголами, а не татарами. Он констатирует, что превращение монголов, как называли сами себя «победоносные воины Чингисовы», в татар неясно [39, с. 38], и ниже очень метко замечает, что «Имя Монголов... было собирательным названием полчищ Темудзина» [39, с. 155]. Современные исследования подтверждают эту мысль: в эпоху завоеваний слово «монгол» было не этнонимом, а политонимом [47, с. 248–294].

Научный метод Н.А. Полевого можно назвать историософским. В земных событиях для него незримо присутствует рука Провидения, вследствие чего ключевые моменты истории предопределены. Понятно, что и Чингиз-хан появился неспроста: «... чтобы из ничтожных Монголов соделать завоевателей полумира, следовало явиться в мире избранному Провидением человеку» [39, с. 33]. Историк уделяет Чингиз-хану пристальное внимание и прослеживает его жизненный путь настолько подробно, насколько ему позволяют источники, среди которых громче других звучит голос Рашид ад-Дина. «Цель жизни его составляло ненасытное желание власти, – пишет Н.А. Полевой о великом монголе. – Он уверил самого себя, и говорил другим, что Бог предал ему во власть все царства мира сего, и предназначил его покорить вселенную. Сила, храбрость, труд, пренебрежение опасностей, измена, вероломство, убийство, хище-

ние – Темудзин почитал все дозволенным. Варварство его заставляет содрогаться; смелость предприятий изумляет» [39, с. 43]. Как видим, Чингиз-хан предстает противоречивой фигурой. Собственно, таков он и в редких описаниях его современников, которые одновременно восхищались им и ужасались. Он «властвовал ужасом», но умел подбирать талантливых военачальников [39, с. 45]. Его принцип – «покорность или гибель», он не имел союзников: «мир только побежденному – было его правилом» [39, с. 50].

В монгольском «иге» Н.А. Полевой тоже видит промысел Божий, неизбежную и необходимую для Руси «кровавую баню очищения», после которой страна восстанет в новой славе. Монгольские военные кампании охватили пространство «от острова Явы до Новгорода, от берегов Корейских до берегов Адриатического моря, и от Индии до Перми» [39, с. 14], и даже если бы Русь была тогда едина, она не смогла бы остановить дикие орды.

Для Н.А. Полевого не подлежит сомнению, что монголы собирались захватить все страны. Божье благоволение до поры помогало им. Он – один из немногих историков, кто убежден в вине Чингиз-хана за развязывание войны с Хорезмом. Чингиз-хан явно провоцирует хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада (1200–1220) письмом, где не только низводит его до уровня своего сына, но и прямо заявляет о своем большем могуществе [39, с. 58–59]. Разделив между своими отпрысками захваченные земли, великий хан «заклинал их блюсти его правила и законы, и окончить завоевание света» [39, с. 65]. Воплощение в жизнь этого мифического завещания показано несколько однобоко, на примере западных по отношению к Монголии стран, в основном, по Д’Оссону с привлечением разнообразных европейских источников и, в существенно меньшем объеме, переводов из «Юань ши», ввиду чего пересказывать слова Н.А. Полевого нет смысла. Однако мы остановимся на некоторых важных для нашей темы сюжетах, трактовка которых отличается от общепринятой.

Так, автор сомневается в рассказе о самоубийстве вместе с маленьким сыном жены рязанского князя Федора Евпраксии, который он нашел в Костромской летописи. Правда, причина его сомнений кроется не в противоречии православным канонам поступка княгини, якобы византийской (чему нет подтверждений в византийских источниках), а в отсутствии этого рассказа в «древнейших списках» [39, с. 71]².

В Киеве «Монголы разрывали даже могилы Княжеские, ища в них сокровищ» [39, с. 83]. В этом месте автор ссылается на сочинение митрополита Евгения (Болховитинова) (1767–1837) [31, с. 32]. К сожалению, нам не удалось установить источник сведений самого митрополита. У центрально-азиатских кочевников, как и у ряда других народов, существовала практика осквернения вражеских могил с целью ликвидации той сакральной силы, которую, как считалось, передавали потомкам кости их предков. В нескольких средневековых источниках обнаруживаются свидетельства современников о настойчивых поисках номадами элитных погребений врагов и об их осквернении. Например, останки хорезмшаха Мухаммада – того самого, кого разбил Чингиз-хан, были позже найдены монголами и отправлены к хагану Угэдэю (1229–1241), который предал их огню [11, с. 128–130]. Однако остается неизвестным, применяли ли монголы эту практику на Руси.

² Дискуссию вокруг этого сюжета см.: [5, с. 284–302; 23, с. 409–456; 30, с. 124–199].

Вместе с тем, автор далеко не оригинален в своем следовании летописным сообщениям о киевском воеводе Димитрии, уговорившем Батюгу идти в Венгрию, но приукрашивает рассказ словами о любви, которой якобы проникся этот монгол к русскому тысяцкому, вплоть до того, что советовался с ним [39, с. 84]. Он допускает, что монголы хотели превратить Венгрию в свое кочевье, чтобы нападать оттуда на другие европейские страны, а венгерского короля Белу IV (1235–1270) называет слабым и ничтожным [39, с. 89]. Однако более интересно другое. Сочинение Н.А. Полевого – единственное в своем роде, говорящее о том, что Батюга «звали в Монголию, на новый курилтай», когда Угэдэй умер «от чрезмерного пьянства» [39, с. 91]. Какие основания имел историк для подобных заявлений, сказать трудно. И старая, и современная отечественная историография, напротив, – и небеспочвенно – видит в этой весомой политической фигуре опасного врага тогдашней каракорумской элиты. В имперскую столицу его, действительно, звали, но было это уже тогда, когда власть там сконцентрировалась в руках вдовы Угэдэя Туракины, выдвинувшей в хаганы своего сына Гуюка (правил в 1246–1248 гг.), и сам вызов, скорее всего, ставил целью заманить в ловушку и ликвидировать Батюгу, о вражде которого с Гуюком хорошо известно, в том числе, и Н.А. Полевому. Так или иначе, по мысли нашего автора, «только это спасло Запад» [39, с. 91]³. В то же время, он безоговорочно верит в спасение Европы от монгольского рабства внезапной кончиной «гордого Гуюка», вселенские претензии которого он излагает по Плано Карпини [39, с. 139]⁴. Н.А. Полевой высказывает крайне «непатриотичное» суждение о роли Руси в противостоянии Востока и Запада: «Говоря определенно, мы не можем сказать, что Русь спасла Европу от Монголов. Нет! Европа тем была спасена от Азии, в лице Монголов стремившейся на Запад, что царство Чингисово образовалось по законам Азийских завоевательных государств, и История оног совершалась разрушительно почти с самого своего начала» [40, с. 10].

Будучи все-таки историком России, а не Европы, Н.А. Полевой мотивирует свое вынужденное отвлечение на военные предприятия монголов на Западе: «Мы изложили события, не принадлежащие собственно к Истории Русского народа, дабы яснее доказать неосновательность мнения, будто нашествие Монголов было отвратимым злом. Не говоря о средствах Монголов для победы, стоит только внимательнее рассмотреть: что вся Европа могла противопоставить им? Решительно: ничтожное сопротивление! Польша, Венгрия, Богемия подтверждают нашу мысль. Еще более подтвердит ее общее впечатление, сделанное Монголами на всю остальную Европу. Если бы не угодно было Провидению, во глубине Орд Монгольских, среди побед, одерживаемых подвластными Оготаю (Угэдэю – Ю.Д.) варварами в Китае, Персии, Индии, Венгрии, прекратить дни сего страшного наследника Темуд-

³ Н.А. Полевой предполагает, что Батюгом двигала честолюбивая мысль – воссесть самому на трон Чингиз-хана, но автор не разобрался во взаимоотношениях Батюги и хагана Мункэ (1251–1259) [39, с. 165–166].

⁴ Обожествление монгольских хаганов, только намеченное в тексте на печати Гуюка, демонстрируется далее на примере нойона Байджу, руководившего покоренными землями Персии и Закавказья, и хагана Мункэ [39, с. 139–144]. Мы не комментируем здесь эти в высшей степени любопытные сообщения, так как разобрали их подробно в другом месте: [13, с. 123–147].

зинова, Европа – нет сомнения – пала бы покорною рабою под мечами чудовищных завоевателей Азийских» [39, с. 94–95]. Таким образом, он вновь подводит читателя к идее о фатальной неизбежности покорения монголами Руси.

Собственно, столь же неизбежными получаются тогда возникновение и гибель самой Монгольской империи. Напомним, что Н.А. Полевой придавал колоссальное значение роли личности в истории, поскольку эти великие творцы мировых событий являлись в наш мир согласно замыслу Всевышнего. Как ни пытался он оттенить значение народа в историческом процессе, оно вышло в рассматриваемой нами части его сочинения практически нулевым. Потому и начало распада созданной Чингиз-ханом державы объясняется здесь его смертью. Сыновья Чингиза действовали уже не по «стремлению духа», они тяготели к отдыху и роскоши. Угэдэй был озабочен покорением Китая, его смерть вызвала «дворские крамолы», а Гуюк не пользовался таким обожанием, как его дед, и распад стал неизбежен. Автор верно подметил основополагающее значение военных кампаний монголов для нормальной жизнедеятельности их империи, ныне ставшее аксиомой [39, с. 103–107]⁵.

Н.А. Полевой обсуждает употребление на Руси титула «царь», который применялся сначала по отношению к византийским императорам, а позже – к золотоордынским ханам, причем он обращает внимание, что сами ханы никогда так себя не называли [39, с. 128]. Добавим, что титул «хан» был закреплен в русских источниках за великими ханами Монголии. Князья хорошо понимали монгольскую «вертикаль власти» периода единой империи, когда им приходилось посещать не только Сарай, но и далекий Каракорум.

Знаменитый эпизод из Галицко-Волынской летописи об угощении Батыем князя Даниила Галицкого (1201–1264) кумысом автор посчитал ханской шуткой [39, с. 149], что далеко не так. В монгольской культуре угощение гостя было и остается важным способом превращения «чужого» в «своего», а когда речь идет о главе государства или его полномочном представителе, его пища и напитки приобретают дипломатическое значение: если гость принимает их, он вливается в имперскую элиту (в данном случае – в качестве подчиненного), если отвергает – это расценивается как демонстрация враждебности и непокорности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот почему Батый говорит Даниилу, согласившемуся вкусить этот напиток, считавшийся у христиан нечистым: «Ты оуже нашъ Тотаринъ» [42, стб. 807].

В целом, Н.А. Полевой сумел развернуть широкое историческое полотно средневековой Евразии, на котором события в русских княжествах органически вплетены в события евразийской истории. Из всех российских историков рассматриваемого нами периода, он больше других уделил внимание Монгольской империи и вник во многие подробности, вольно или невольно упускаемые из вида следующими поколениями русистов.

Говоря о монгольском вторжении на Русь и в Европу в самом конце своей «Древней русской истории», **Михаил Петрович Погодин** (1800–1875) нередко пересказывает легенды, не поднимаясь до их критического анализа,

⁵ Военная добыча и дань покоренных стран и народов обеспечивали поддержание авторитета и власти верховного правителя посредством механизма «престижной экономики» степных империй, включая Монгольскую. Об этом подробнее см. многочисленные работы Н.Н. Крадина.

и допускает фактические ошибки. В частности, он уверен, что поход Батыя «в Угры» был всецело обязан киевскому Димитрию, а Белу IV монголы гнали до Дуная, забыв про их преследование венгерского монарха вплоть до Адриатики [36, с. 824]. Повторяя ошибку средневекового книжника, он считает городом или селом реку Онузу, где Батый раскинул свой стан осенью 1237 г., так как пишет, что монголы ее «взяли и сожгли» [36, с. 813]. Иногда он ссылается на некоего «арабского летописца» как на свой источник. Стилль М.П. Погодина чересчур беллетристический, из-за чего его сочинение местами больше походит на исторический роман, чем на труд ученого.

Интересующую нас главу «Покорение Руси монголами» в своей «Русской истории» **Николай Герасимович Устрялов** (1805–1870) написал с привлечением материалов выдающегося австрийского востоковеда Й.Ф. фон Хаммер-Пургшталя (1774–1856), А.К.М. Д’Оссона и Н.Я. Бичурина. Монголов он всегда называет монголами и поясняет однажды, что, хотя орда Батыя состояла из «татарских» народов, во главе ее стояли монголы, и поэтому называть этих хозяев Руси правильно монголами [54, с. 116].

Н.Г. Устрялов верит в одержимость Чингиз-хана безотчетной идеей мирового господства: «Упоенный успехом, пожираемый властолюбием, он хотел быть властителем вселенной, на 51 году жизни назвал себя Чингизханом (владыкою сильных), и устремил свою грозную орду на обширные государства средней Азии, с единственною целию быть завоевателем» [54, с. 112]. Реализацию Чингизом этой идеи он описывает предельно сжато. При этом рейд Чжэбэ и Субэдэя в 1223 г., по Н.Г. Устрялову, не преследовал захватнических целей: монгольский властелин оставил Европу «до времени» в покое, чтобы завершить подчинение Азии. Главным правилом его политики было давать мир только побежденным, и новый хаган Угэдэй последовал ему, отправив на завоевание Европы 11 чингизовых внуков [54, с. 113]. Но и здесь автор остается в плену монголофобских стереотипов: «Не внутренние раздоры, не оружие победителей, не оскудение страны, двинули этот народ из родных кочевьев: он шел с безотчетною, фанатическою жаждою крови, убийства, разорения» [54, с. 113–114]. Причина отступления Батыя трактуется тоже стереотипно – это смерть Угэдэя. Европу спасло «стечение случайных обстоятельств» [54, с. 116].

Большого внимания заслуживают рассуждения Н.Г. Устрялова о структуре власти Монгольской империи и системы управления монголами Руси. Батый и его первые преемники господствовали «именем великого хана», находившегося в Каракоруме и стоявшего во главе всего монгольского мира. Однако зависимость от него «частных ханов» продлилась недолго: конец единству положило самовластное восхождение в 1260 г. на хаганский престол Хубилая. Вскоре неурядицы вспыхнули и в Золотой орде. Кстати, темника Ногая (1235?–1299/1300) наш историк считает ханом и разделяет взгляд на его самоубийство [54, с. 116–117].

Монголы покоряли народы «с одною целию завоевания и грабежа» и не обременяли себя заботами внутреннего управления подчинившимися землями, а «господствовали издали», через местных государей, заменяя оных своими сановниками лишь в исключительных случаях. То же самое было и на Руси. Новые хозяева руководили через князей и никогда не поручали княже-

скую власть выходцам из своей среды или кому-либо еще, не принадлежавшему к роду Рюрика [54, с. 118–119].

Автор подметил в последующей инволюции Улуса Джучи то, что сегодня могли бы назвать «утратой пассионарности»: «Время охладило в ней (орде Батыевой – Ю.Д.) воинственный жар, воспламененный Чингизханом; но безотчетная страсть к разрушению только уступила место ненасытному корыстолюбию, которое, изменив цель набегов, не изменило ни лютой кровожадности, ни военного искусства...» [54, с. 149]. Так или иначе, для Н.Г. Устрялова монгольская имперская идея и при Чингиз-хане, и при его далеких потомках заключалась в неподвластных рассудку низменных инстинктах, воплощение которых вело исключительно к насилию, кровопролитию, погрому и грабежу.

Свои мысли, кратко здесь рассмотренные, он изложил также в учебнике [53, с. 25–30].

Николай Иванович Костомаров (1817–1885) походя касается интересующих нас вопросов в своем знаменитом труде «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», где монголы играют, скорее, роль фона в его биографиях знаменитых людей средневековой Руси. История Тэмучжина – Чингиз-хана изложена у него, в целом, так же, как и у Н.М. Карамзина, только более сжато. Мотивы завоевательных походов не показаны [25, с. 93–94]. Не объяснена и цель прихода на Русь Батыева [25, с. 110, 124]. Автор ошибочно отмечает, что красотой Киева любовался «племянник Батыева Менгу-Тимур» [25, с. 111]. Н.И. Костомаров воспроизводит укоренившееся в русской историографии мнение о том, что упоминавшийся выше воевода Дмитрий убедил Батыева идти в Европу [25, с. 112].

По-видимому, на восприятие Н.И. Костомаровым средневековых монголов значительное влияние оказали эмоциональные оценки Платона Карпини и Рубрика, хорошо различимые на страницах его книг, например: «Безобразные и нечистоплотные монголы, считавшие опрятность даже пороком, питавшиеся такой грязной пищей, которой одно описание возбуждает омерзение, безвкусно украшали себя несметными богатствами и считали себя по воле Бога обладателями всей вселенной» [25, с. 130–131]. В следующей цитате можно видеть, к чему, по мнению автора, стремились монголы и как они достигали своей цели: «Свирепые ко всему, что сопротивлялось им, монголы требовали одного – раболепного поклонения. Это было в их нравах и понятиях, как и вообще у азиатских народов. Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость – вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания...» [25, с. 131]. Надо признать, монгольские властные амбиции охарактеризованы здесь достаточно адекватно, но, несмотря на свое знание о предыстории и масштабах военной экспансии монголов в XIII в., Н.И. Костомаров отказывает кочевникам в какой-либо возвышенной идее всеобщего мироустройства.

В другой своей работе он также не углубляется в историю собственно монголов и их вождей, как будто всецело разделяя недоумение русского народа, неожиданно обнаружившего себя под пятой кочевников: «Татарское нашествие совершилось внезапно. Неволя охватила свободолюбивую Русь вдруг; никто не предвидел, никто не предчувствовал этого удара» [24, с. 67].

Автор высказал ряд нелицеприятных мыслей о царившей в те годы «поголовной безтолковчине» и неготовности русских князей к отпору, о неспособности извлечь уроки из поражения на Калке, а ниже нарисовал картину властных отношений, установленных на Руси монгольскими ханами. Суть их сводилась к простой формуле, в которой можно разглядеть зародыш будущего русского монархизма XVI в.: чем покорней – тем безопасней. Русскую землю Н.И. Костомаров считает собственностью хана, подразумевая под последним кого-либо из династии Джучидов, а не великого хана Каракорума, который для развития темы автору, в принципе, и не требовался [24, с. 69–77].

Для **Сергея Михайловича Соловьева** (1820–1879) выход монголов на мировую арену явился следствием импульса, произведенного Чингиз-ханом. Его трактовка степного политогенеза выглядит метафизической: «В первой четверти XIII-го века среди них обнаружилось сильное движение: один из монгольских ханов, Темучин, известный больше под именем Чингиз-хана, начал наступательные движения на других ханов, стал покорять их; орда присоединялась к орде под одну власть, и вот образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная от векового сна к кровавой деятельности, бессознательно повинувшись раз данному толчку, стремится на оседлые народы к востоку, югу и западу, разрушая все на своем пути» [51, с. 641–642]. Однако что побудило самого Чингиза к деятельности по собиранию номадов под своей властью, остается без объяснения. Позже советская историческая наука закономерно дистанцировалась от концепции С.М. Соловьева.

Не вдаваясь в детали и не вникая глубоко в политические механизмы Монгольской империи, С.М. Соловьев схематично, но довольно точно описывает смену власти после смерти Чингиз-хана и деяния монголов в Европе [51, с. 820, 825–826]. Он, однако, делает ту же ошибку, что и его предшественники, в раскрытии причины монгольского вторжения в Венгрию: Батый якобы послушал совета киевского тысяцкого [51, с. 825]. Еще одна ошибка, в русле нашей темы, заключается в наделении ханским достоинством темника Ногая. Ногай принадлежал к «Золотому роду» Чингиз-хана, но его положение в нем не давало ему прав на престол Улуса Джучи и на звание хана. Несмотря на это, его энергия и воинская удача позволили ему не только вести в своем уделе самостоятельную политику, но и оказывать сильное давление на дела в Сарае. С.М. Соловьев не различает этих моментов, в результате чего у него оказывается в Золотой орде два хана одновременно, которые притом действуют сообща: «В 1282 году два хана – Ногай и Телебуга – пошли на Венгров с огромным войском...» [51, с. 889].

Автор отстаивает свое право называть монголов татарами, ибо «нельзя выкинуть из Русской истории слова, которым предки наши исключительно называли своих поработителей; и древние и настоящие Русские люди не знают Монголов, а знают только Татар» [51, с. 831].

Наконец, С.М. Соловьев демонстрирует квинтэссенцию «монгольского империализма»: «Татары оставляли в покое только те народы, которые признавали над собою власть их» [51, с. 831], с чем трудно не согласиться.

Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (1829–1897) предваряет свой труд по русской истории введением в источниковедение, где излагает основ-

ные принципы внешней и внутренней критики источников, их классификацию, подчеркивает различия между источником и литературным пособием, обсуждает вспомогательные исторические дисциплины и призывает больше внимания уделять обществу, а не личностям. Он сам достаточно полно использует источники и исследовательские работы по монгольскому периоду истории, и перечисляет их [2, с. 269–270], что выгодно отличает его от ряда его коллег. Кроме того, автор высказывает глубокую мысль о том, что для понимания характера татарского ига и его последствий для России надо прежде познакомиться с характером самого этого народа [2, с. 269–270], и приводит выдержки из средневековых восточных сочинений, прежде всего Чжао Хуна в переводе В.П. Васильева (см. ниже), о монголах и их обычаях [2, с. 271–274].

К.Н. Бестужев-Рюмин первым среди русистов говорит о плене Чингизхана в юные годы и доносит до читателей идею о влиянии на монгольского завоевателя высокой китайской культуры: «Есть даже известие, что он был в плену у Нюйчженцов (Манджурских владетелей северного Китая, управлявших под именем династии Цзинь) и, пробыв десять лет, познакомился с Китайскими порядками и вместе с тем со слабыми сторонами владетелей Китая» [2, с. 274]⁶. Здесь историк передает сообщение посла Южной Сун Чжао Хуна, побывавшего у монголов в 1221 г.: «Чингисхан, в малолетстве, попался в плен Цзиньцам (т.е. Нючжисцам), провел у них в рабстве более десяти лет и потом убежал. От этого он вполне узнал состояние и дела Цзиньского царства» [4, с. 218]. Вероятность пленения Тэмучжина чжурчжэнями обсуждалась рядом специалистов, пришедших к противоречивым выводам; в любом случае, нет фактов, которые полностью исключали бы такую возможность. Познакомился ли Тэмучжин с китайской имперской идеологией, пока находился в Цзинь, тоже сложно утверждать. Сомнительно, чтобы кто-то из цзиньских чиновников взялся просвещать этого мало кому известного сына мелкого монгольского вождя. Однако наш автор берет на вооружение мысль В.П. Васильева о том, что Чингизхан принятием в 1206 г. этого звания выразил китайское понятие об исключительности своей власти и своего государства. О важнейших походах Чингизхана он пишет очень кратко и с хронологическими ошибками [2, с. 275].

К.Н. Бестужев-Рюмин считает крайностями взгляды на господство монголов над Русью Н.М. Карамзина и Н.И. Костомарова, с одной стороны, и С.М. Соловьева, с другой. Он красноречиво выступает против представления о трансляции самодержавия из Орды в Москву: «Мнение же о происхождении понятия о царской власти от Татар надо, кажется, вполне отвергнуть» [2, с. 279]. Его суждения о сущности монгольской власти вполне адекватны: «Пока Чингис-Ханово государство не распалось, верховная власть принадлежала Великому Хану; с распада она всецело перешла к отдельным ханам» [2, с. 279]. Соответственно, русским князьям первоначально приходилось ездить и в Сарай, и в Монголию, и так продолжалось до самовольного воцарения Хубилая. Находит автор место и для Ясы Чингизхана, но он не различает в ней имперских элементов [2, с. 280–281].

Опубликовал К.Н. Бестужев-Рюмин и популярную брошюру о монгольском владычестве на Руси, которая, впрочем, заслуженно игнорировалась

⁶ Чуть позже эти сведения воспроизведет Д.И. Иловайский: [18, с. 350].

специалистами, и сейчас малоизвестна. Она написана очень простым языком, события излагаются сжато и поверхностно, с выпадением целого ряда важных эпизодов, несколько однобоко, с заметным церковным уклоном. Тернистый путь Тэмучжина к власти уместился в одно мало о чем говорящее предложение: «Вдруг появился у них хан (так назывались у них цари); хану этому, звали его Чингис-ханом – не сиделось на месте: он завоевал разные слабые народы, которые жили около; собрал у себя разных удальцов и тогда возгордился и вздумал завоевать весь мир» [3, с. 6]. Далее мы видим что-то совсем странное – с целью захвата всего мира «войско его шло к Дербенту» [3, с. 6]. О битвах в Северном Китае и Хорезме нет ни слова. Ногая автор называет даже не ханом, а царем [3, с. 14–15]. Сложно предположить, даже учитывая целевую аудиторию, почему профессиональный историк и источниковед так произвольно начал вдруг обращаться с фактами, хорошо ему знакомыми, и упрощать исторический процесс до полной бессмыслицы.

С другой стороны, повествуя о гибели Михаила Тверского (1271–1318), он вскрывает политический подтекст этого события и переводит церковную легенду в разряд светской истории [3, с. 25–28]. Аналогично он поступает с обстоятельствами убийства в Твери двоюродного брата хана Узбека (1313–1341) – Шевкала (Чол-хана, Щелкана), прямо заявляя, что слова о якобы замышлявшемся Шевкалом разорении христианства и казни князей суть неправда [3, с. 28].

Дмитрий Иванович Иловайский (1832–1920) занимал по отношению к монгольским поработителям нескрывая враждебную позицию, систематически называя их на страницах своей «Истории России» «варварами». Тем не менее, он творчески обработал, наряду с богатой вторичной литературой, большой объем русских, европейских и восточных источников и привнес в нарратив о русско-монгольском взаимодействии много нового⁷. Прежде всего, следует отметить верное замечание о степных монархиях, ныне практически общепринятое: «Редко такое могущество переживало своего создателя» [18, с. 349]. Ниже автор показал, каким путем Чингиз-хан обеспечил передачу власти и стабильность созданной его усилиями империи, и мы еще вернемся к этому вопросу.

Среди «баснословных преданий» о Чингиз-хане он приводит легенды об Огуз-хане как его предке, о зачатии Алан-Гоа «от солнечного света» и о его рождении с запекшейся кровью в руке [18, с. 350]. Названный отец Тэмучжина Ван-хан почему-то получает у Д.И. Иловайского имя Тулуй. Великий курултай 1206 г. автор ошибочно датирует 1203-м г. и утверждает, что на нем Тэмучжин «заставил (курсив наш – Ю.Д.) провозгласить себя верховным ханом монгольских орд». Здесь на сцену выходит безымянный «вещий человек» (т.е. Тэб-Тэнгри, предположительно шаман), о котором первым среди русских историков упоминал Н.М. Карамзин [20, с. 229], и объявляет собравшимся, что само небо послало его возвестить о предназначении Тэмуч-

⁷ В своем более раннем труде по истории Рязанского княжества он впервые знакомит читателя с монголами только тогда, когда они, словно ниоткуда появившись на Волге, в начале зимы 1237 г. направляются на юго-запад, к рязанским рубежам, и с берегов Онузы посылают на переговоры «какую-то ведьму с двумя мужами» [17, с. 127].

жина «овладеть вселенной», и отныне его надо называть Чингиз-ханом [18, с. 352].

Война монголов с Цзинь была спровоцирована, по словам Д.И. Иловайского, правительством этой страны, которое «вдруг потребовало» у Чингиз-хана дань [18, с. 353]. Действительно, открытая вражда, скоро перешедшая в масштабное кровопролитие, началась, если верить источникам, с прибытия к Чингиз-хану цзиньского посла с известием о восшествии на престол нового государя и с требования дани, которую, однако, тот обязан был платить, как вассал Цзинь. Чувствовавший свою силу Чингиз плюнул в сторону юга и усакал прочь. В случае войны с Хорезмом у нашего автора виноватым тоже выходит хорезмшах [18, с. 354], а ответственность за убийство монгольских послов в 1223 г. с русскими разделяют наущавшие их половцы [18, с. 358]⁸. Таким образом, несмотря на неприязнь к монголам, Д.И. Иловайский в какой-то степени оправдывает их агрессивные действия, оказывающиеся у него реакцией монголов на угрозы и обиды извне.

Историк не фокусирует внимание на намерениях монголов в отношении Европы, но высказывает свое мнение имплицитно, подводя итоги калкской катастрофы: «Таким образом монгольские завоеватели на опыте извели состояние Восточной Европы и те пути, которые вели в нее. И этим опытом они не замедлят воспользоваться» [18, с. 362].

Вернемся к позиции Чингиз-хана по отношению к верховной власти. Разделив завоеванные земли между своими сыновьями, великий хан «завещал своим потомкам продолжать завоевания и даже начертал для них общий план действия» [18, с. 372]. Это верно. Из китайских источников известно, что он, чувствуя приближение смертного часа, изложил сыновьям план обхода империи Цзинь с правого фланга, через китайские владения, чтобы нанести решающий удар оттуда, откуда враг его не ждет [22, с. 161–162]. Д.И. Иловайский очень аккуратно подходит к этому завещанию: он не приписывает Чингизу наказа покорить весь мир, которого, скорее всего, никогда и не было. Оформление имперской идеи монголов, произошедшее при хагане Угэ-дэ, осталось для историка не заметным, но последствия этого он описал точно: «Великий курултай, собранный на его родине, то есть на берегах Керлона, подтвердил его распоряжения. Огодай, еще при отце начальствовавший в Китайской войне, неустанно продолжал эту войну до тех пор, пока не разрушил вконец империи Ниучей и не утвердил там своего владычества (1234 г.). Тогда только он обратил внимание на другие страны и между прочим начал готовить великий поход на Восточную Европу» [18, с. 372]. Сила монголов была в их единстве – кредо Чингиз-хана, продемонстрированное им своим сыновьям на примере пучка стрел, которые он предложил им переломить. Д.И. Иловайский этот пример в своем сочинении не приводит, но подчеркивает: «Темучин дал им главное орудие завоевания: единство власти и воли. Пока кочевые народы разделены на особые орды, или роды, власть их ханов имеет, конечно, патриархальный характер родоначальника и далеко не безгранична. Но когда силой оружия одно лицо подчиняет себе целые племена и народы, то, естественно, оно поднимается уже на высоту недосыгаемую для

⁸ В таком случае возникает вопрос, нельзя ли рассматривать половецкие подначивания русских князей к вражде с монголами как провокацию в расчете на то, что те и другие истощат силы в борьбе друг с другом, а половцы будут после пожинать плоды победы?

простого смертного. Старые обычаи еще живут у этого народа и как бы ограничивают власть верховного хана; охранителями таких обычаев у монголов являются курултай и знатные влиятельные роды; но в руках ловкого, энергичного хана уже сосредоточено много средств, чтобы сделаться безграничным деспотом. Сообщив кочевым ордам единство, Темучин еще усилил их могущество введением однообразной и хорошо приспособленной военной организации» [18, с. 374]. Д.И. Иловайский не забывает одной фразой упомянуть и Ясу Чингиз-хана, хотя он тоже не видит в ней имперское законодательство [18, с. 375].

В отличие от подавляющего большинства историков, автор высказывает мнение, что Батый не замыслил брать Новгород [18, с. 384]. Подобную точку зрения имел и М.М. Щербатов [56, с. 3–4].

Аналогично остальным ученым, занимавшимся историей России, Д.И. Иловайский рассматривает ее порабощение в увязке с попыткой монголов овладеть Европой. Он наглядно показывает разлад в Европе накануне монгольского вторжения. Не объясняя, как отмечалось выше, мотивации монголов, он выдвигает смерть Угэдэя в качестве главного повода к их уходу оттуда, хотя, по его словам, были и другие причины [18, с. 388–389, 393]. Как и Н.М. Карамзин, автор доверяет словам Плано Карпини о планах Гуюка по захвату Европы. Смерть Гуюка разрушила эти планы [18, с. 401].

Неплохо ориентируясь во внутренних делах Монгольской империи, Д.И. Иловайский замечает, что Кипчакский улус был сначала ее частью, а Батый – «только наместник великого хана» [18, с. 393, 407]. Однако он повторяет ошибку С.М. Соловьева, «возводя» в ханы темника Ногая, и даже усугубляет ее, именуя Ногая «Заднепровским ханом», а Телебугу – «Заволжским ханом» [18, с. 498].

Время от времени он делает экскурсии ко двору великих ханов и описывает междоусобицу 1242–1246 гг., обстоятельства воцарения Мункэ и раздел сфер влияния Чингизидов. Представляется, что автор совершенно прав в своем утверждении о важной роли природной среды в сохранении кочевых традиций и самой политической организации монголов: «Из них Кипчакское ханство или улус Джучиев явился едва ли не самым могущественным и в тоже время наиболее сохранившим характер Чингизовой империи; ибо в нем кочевой быт остался преобладающим, благодаря обширным и привольным степям; тогда как в Китае, Персии и отчасти Туркестане Монголо-Татары подчинились влиянию туземной гражданственности и сделались оседлым населением» [18, с. 427]. Весьма интересно также его предположение, что Александру Невскому сыграл на руку конфликт между двоюродными братьями Берке и Хулагу, ввиду чего Берке было не до мятежей на Руси в 1262 г., и великому князю удалось «отмолить» свой народ [18, с. 425].

В заключение хотелось бы остановиться на следующей значительно преувеличенной характеристике монгольской власти: «В особенности подражание Китаю отразилось у них на деспотическом характере верховной власти и на целом устройстве созданной ими огромной монархии. Уже удельные ханы как Батый и даже его воеводы держали себя надменно и повелительно, и доступ к своей особе окружали разными церемониями. Еще большими церемониями, коленопреклонениями и почти божеским почитанием окружена была особа верховного хана. Власть его сделалась безграничною» [18, с. 400]. Возможно,

такой виделась картина ханской власти средневековому жителю Руси, но даже отчеты Плано Карпини и Рубрука ее опровергают. Ни улусные, ни великие ханы не играли роль небожителей. О копировании китайского церемониала можно говорить лишь с большими оговорками. В 1229 г. при интронизации Угэдэя советник прежнего хана кидань Елюй Чуцай (1189–1243) ввел некоторые ритуалы, приличествующие монаршему двору, но упомянутые Д.И. Иловайским церемонии (а к ним относились, как хорошо известно, прохождение между двух огней, поклонение не только здравствовавшему правителю, но и усопшему Чингиз-хану – его изображению или даже «тени», как иногда это формулируют российские историки, а также некоему «кусту», светильам и т.д.⁹) были исконно кочевые, а не китайские. Еще более уязвимо для критики заявление Д.И. Иловайского о монгольском деспотизме как следствии подражания Китаю, хотя оно и не лишено определенных оснований. Кочевники имели собственную, степную идею верховной власти, которая в те века могла быть только самодержавной, пусть и с некоторыми ограничениями. Китайский опыт, скорее всего, тоже был учтен, особенно при Чингиз-хане и его преемниках, но взят не напрямую из Китая, т.е. из Южной Сун, а через посредство киданей, живших на своих землях в чжурчжэньской империи Цзинь, и, вероятно, видевших в монголах своих освободителей. Никакой другой азиатский народ не был так заинтересован в привитии монголам имперских идей.

Евгений Евсигнеевич Голубинский (1834–1912) изучал историю русской церкви, а не государства, однако, дал профессиональный очерк о монголах в одной из глав своего капитального труда, на чем мы находим не лишним заострить внимание¹⁰. Заслуживает упоминания уже тот факт, что он видит разный смысл в понятиях «монголы» и «татары» и более-менее убедительно объясняет эту разницу [7, с. 1]. Он призывает расширять кругозор интересующихся русско-ордынскими отношениями за счет привлечения зарубежных источников: «Чтобы составить себе надлежащее понятие о всей ужасности монгольских нашествий, нужно читать не одних наших летописцев, которым не под силу было рисовать сколько-нибудь живые картины ужасов, но еще восточных и западно-европейских» [7, с. 10].

Историю Чингиз-хана Е.Е. Голубинский рассказывает относительно точно (нельзя согласиться лишь с утверждением о том, что, приняв этот высокий титул, он утвердил свою резиденцию в Каракоруме [7, с. 2] – приказ об основании имперской столицы был отдан только в 1220 г.). Правда, автор не нашел нужным объяснить, что же побудило Чингиз-хана к завоеваниям.

По мнению Е.Е. Голубинского, в 1237 г. татары пришли на Русь, «чтобы совсем и надолго поработить ее» [7, с. 4], причем нашествие вряд ли было таким уж неожиданным: монгольская активность на юго-востоке еще в 1229 г.

⁹ Его попытки разобраться в некоторых из этих обрядов см.: [18, с. 563–565]. См. также: [12, с. 91–102].

¹⁰ Некоторую информацию о религиозной политике монголов на Руси можно также найти в труде митрополита Макария (**Михаила Петровича Булгакова**, 1816–1882), вообще, очень дозировано дающего сведения о кочевниках: [19, с. 116–127]. Более детальные сведения о деятельности русской православной церкви в условиях монгольского доминирования сообщает священник **Николай Александрович Соловьев** (1839–1917) в известной работе: [49, с. 1–226].

должна была насторожить владимирских и рязанских князей. Дальше признаки грозящей большой войны только умножались [7, с. 4–5]. После вынужденных заминок, Угэдэй снарядил армии «для выполнения мысли и завещания Чингисхана о завоевании всего света» [7, с. 5]. Таким образом, автор, как и многие его современники, признаёт наличие такого завещания, не обнаруженного, впрочем, до сих пор – возможно, просто потому, что его никогда не существовало. Зато он указывает на противоречие между намерением монголов овладеть всей ойкуменой и варварскими методами достижения этой цели: «Монголы завоевали мир, чтобы владеть им, и в то же время они так беспощадно опустошали его, что как будто хотели владеть пустынями» [7, с. 9]. Объяснить это противоречие пытались востоковеды в XX в., выдвигая предположения о намеренном очищении кочевниками пространства от следов оседлых цивилизаций, чтобы самим жить в привычной среде. Что касается монгольской идеи всемирного господства, то Е.Е. Голубинский знаком с ней; он передает уже сложившееся в науке мнение, что монголы сами себя считали посланными на завоевание мира Богом, а всех сопротивлявшихся расценивали как противников Божьей воли. Сомнение в этой теории вызывают беспощадные убийства тех горожан, кто покорялся захватчикам добровольно [7, с. 9].

Инициатором похода в Европу у Е.Е. Голубинского является сам Батый [7, с. 11], а не Дмитрий, как полагали многие наши историки, и не Угэдэй, как оно было в реальности. Существование великого ханата, основанного Чингиз-ханом, пресеклось на Хубилае, который, будучи избран (Sic!) главой монгольской державы, покорил весь Китай, стал китайским императором и оставил Каракорум. Это упразднило поездки туда русских князей [7, с. 12]¹¹. Имея, таким образом, представление о Монгольской империи, историк почему-то забывает о ее ближневосточной части – улусе Хулагу, когда пишет, что Русь была последней присоединена к монгольским владениям [7, с. 29]. Не считая Южного Китая, последним крупным территориальным приобретением кочевников в XIII в. были земли багдадского халифа, а не русских князей.

Мы не будем вникать в тонкости взаимодействия монгольских властей и русской церкви, подробно описанные Е.Е. Голубинским, и ограничимся несколькими важными для нашей темы моментами. Выдвинув тезис, что монголы, воспринятые на Руси как бич Божий, на деле для церкви оказались во все не бичом [7, с. 17, 39], автор раскрывает причины веротерпимости монголов, одна из которых была политической. Чингиз-хан признавал себя избранным Богом, чтобы покорить весь мир и сделать из него единое государство. Для этого и нужна была очень гибкая религиозная политика. Поэтому монгольский вождь, прежде чем начать завоевания вовне объединенных им степей, обнародовал «книгу государственных законов», т.е. Ясу, ставшую для его соратников чем-то вроде Евангелия или Корана, где постулируется равное уважение ко всем религиям [7, с. 18–19]. Это требование соблюдалось как великими ханами Каракорума, так и ханами Золотой орды, даже несмотря на обращение в ислам. Частный случай веротерпимости – выдача русскому

¹¹ Автор выдвигает курьезную гипотезу о происхождении слова «харахориться» от названия «Харахорин» на том основании, что великие ханы там «слишком величались» над русскими князьями. Между тем, этимологию титула «каан» как «хан над ханами» он объясняет верно [7, с. 12–13].

духовенству ханских ярлыков, которые Е.Е. Голубинский тщательно анализирует, основываясь на трудах В.В. Григорьева.

Оригинальная историографическая концепция **Василия Осиповича Ключевского** (1841–1911) почти не оставила места для описания становления и развития Монгольской империи. Монголам он посвятил в своем труде лишь несколько страниц, затронув те аспекты их истории, которые оказали непосредственное влияние на протекание исторического процесса на Руси. Каких-либо мыслей о монгольской идеологии он не высказывал.

Двухтомное сочинение **Андрея Васильевича Экземплярского** (1846–1900) «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период» [57] было задумано как справочное пособие для занимающихся русской историей. Оно представляет собой собрание княжеских биографий, где монголам отведена роль внешнего фактора, упоминаемого лишь постольку, поскольку это необходимо для ясной подачи материала. Жанр этого труда исключил связанное изложение истории не только Монгольской империи, но и Улуса Джучи; достаточно сказать, что даже Чингиз-хан упоминается на более чем тысяче страниц только дважды, и то лишь как основатель династии.

Сергей Федорович Платонов (1860–1933) известен не только как замечательный исследователь российской истории, но и как автор гимназического учебника по этой дисциплине, заслужившего высокую оценку, выдержавшего до Октябрьского переворота десять изданий и переизданного уже в новой России. Жанр учебного пособия predetermined строгую логичность, однородность и компактность излагаемого материала, что делает как положительные, так и отрицательные его стороны более заметными.

В целом, С.Ф. Платонов грамотно вписал историю номадов в контекст российской истории, но ошибок все же не избежал. Особенно много их там, где речь идет о происхождении и самых первых десятилетиях Монгольской империи. Автор говорит о «монгольском племени татар», о начале завоеваний Чингиз-хана в 1213 г., игнорируя его более ранние набеги на тангутов и империю Цзинь, о его походе на запад вплоть до Армении, тогда как в XIII в. такого государства не существовало, а армянские земли входили в состав Грузинского царства [35, с. 84]. Возможно, следуя М.С. Грушевскому (см. ниже), историк объясняет уход монголов из Европы стойким сопротивлением чехов: «Батый не удержался и, встретив мужественный отпор в Чехии, повернул назад в степи» [35, с. 86]. Смерть Угэдэя в этой связи он даже не вспоминает. Автор отдает дань уважения «великорусскому племени, которое многострадально заслонило собою от татарского насилия всю Европу» [35, с. 88]. По-видимому, эту мысль впервые сформулировал А.С. Пушкин в письме, написанном на французском языке выдающемуся мыслителю П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г., но она долгое время не была широко известна (увидела свет только в 1949 г. и была немедленно подхвачена советскими историками): «...у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена» [44, с. 309]. Безусловно правильно то, что С.Ф. Платонов

подчеркнул зависимость Золотой орды от великих ханов Монголии в период единства империи [35, с. 86–87].

В другом своем известном произведении «Лекции по русской истории» С.Ф. Платонов придает влиянию на Русь монгольского владычества довольно ограниченный характер и посвящает ему лишь несколько страниц. «Поэтому мы можем далее рассматривать внутреннюю жизнь русского общества в XIII в., не обращая внимания на факт татарского ига», – пишет он [34, с. 85]. Неудивительно, что для него история и идеология самой Монгольской империи не представляла никакого интереса.

Для **Матвея Кузьмича Любавского** (1860–1936) Монгольская империя тоже как бы не существовала. Описывая в «Лекциях по древней русской истории» ордынское время, он верно подмечает, что орда «Бату, или Батыя» имела сложный состав, преимущественно из «турецко-татарских», т.е. тюркоязычных кочевых племен. Действительно, вторгшиеся на Русь армии монголов были по пути усилены вольными или невольными соратниками, рекрутированными в Кыпчакской степи. Что именно было нужно Батыю на русской земле, автор не объясняет. Новизну вносят авторские рассуждения о судьбах половцев в XIII в., извлеченные из византийских источников. Европейский поход упомянут вскользь, причем ни его цель, ни причина его скорого завершения не раскрыты [28, с. 146–148].

По поводу монгольского владычества на Руси, которое обсуждается не только с исторических, но и с экономических позиций, М.К. Любавский позволил себе несколько весьма эмоциональных выражений, например: «К народному организму северо-восточной Руси присосался огромный паразит, который высасывал его соки, хронически истощал его жизненные силы, а временами производил в нем большие потрясения» [28, с. 156]. По мнению историка, «все зависело тут от воли и расположения хана, часто непостоянного и капризного» [28, с. 152]. Ниже он обрисовал структуру власти, находя в ней черты, сближающие ее с европейским феодализмом: «Наивысшим государем Руси, от которого получали свою инвестиру русские князья, соответствовавшим императорам западному и восточному, был *царь Ордынский*, рассматривавший всю Русскую землю, как свой улус, как одно из своих владений. Ниже его были *великие князья* – Владимирский-Московский, Тверской и Рязанский, соответствовавшие западноевропейским королям, получавшие от него ярлыки на великие княжения со всеми их территориями; под великими князьями были *князья удельные*, соответствовавшие западноевропейским герцогам, подчиненные великим в некоторых отношениях, а еще ниже бояре-землевладельцы и церковные учреждения, пользовавшиеся, как мы видели, государственными правами суда и обложения в своих имениях» [28, с. 174]. Мы воздержимся от оценок, насколько такое уподобление властных пирамид Европы и Руси в XIII–XIV вв. соответствовало действительности. Показательно здесь отсутствие наивысшего звена – великого монгольского хана, именовавшегося на Руси «*каном*», и это не ошибка М.К. Любавского, поскольку реконструированная им картина верна для большей части истории русско-ордынских отношений, когда Золотая орда была самостоятельным государством и не подчинялась указам из Пекина, где находился де-

юре хозяин всей Монгольской империи, существовавшей к тому времени лишь в теории.

В другом капитальном сочинении – «Истории западных славян» М.К. Любавский уделяет монголам еще меньше внимания. Он даже не называет имен полководцев, учинивших «погромы» в Польше в 1241, 1259 и 1287 гг., и ничего не говорит о целях, которые ставили перед собой эти «погромщики», хотя показывает результат: многие тысячи людей были перебиты или уведены монголами в плен, словно в этом и состоял их замысел [27, с. 245–246].

Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934) известен как националистически мыслящий украинский историк, написавший обобщающую много-томную работу «История Украины-Руси» на украинском языке, но, по нашему мнению, будет вполне уместно также разобрать его идеи в данной статье.

Обзор ранней монгольской истории у М.С. Грушевского поверхностный, но достаточный для введения читателя в курс дела и фактологически точный; разве что автор ошибочно локализует курултай 1206 г. «в старій турецькій столиці Каракорумі на Орхоні» [9, с. 539], тогда как он на самом деле был созван на реке Онон, где не было никаких древних столиц, а битву на Калке датирует 1224 г. [9, с. 541]. Мотивы первых военных кампаний Чингиз-хана – «„володаря незмінного“, чи абсолютного» он не раскрывает, а поводом для войны с Хорезмом объявляет, подобно многим российским историкам, разграбление чингизова каравана [9, с. 540].

Чрезвычайно интересна его мысль о том, что отправка Бату в Западный поход была вызвана желанием дворцовых партий устранить этого конкурента в борьбе за власть [9, с. 541]¹². Трудно не согласиться с автором, что для Бату главной целью в Европе была Венгрия, но он не прочь был поживиться и за счет соседних земель. Принимая во внимание сообщение летописи о предложении киевского тысяцкого Димитрия поспешить в «Угорщину», М.С. Грушевский совершенно справедливо замечает, что у монгольского хана и без его совета уже имелся план действий. Сложнее разделить точку зрения автора, что Бату предпринимал некоторые меры для укрепления в Венгрии монгольского владычества [9, с. 543]. Очевидно, М.С. Грушевский опирается здесь на сообщение магистра Рогерия – очевидца и участника кровавых событий 1241–1242 гг., с сочинением которого он был знаком, о разделе венгерских земель между монгольскими военачальниками [29, с. 43]. Мы полагаем, что источник говорит всего лишь о распределении пастбищных ресурсов страны, без чего монгольские армии просто не могли существовать. Длительное пребывание монголов там вряд ли планировалось. Видимо, автор отказался от прежде высказанного им суждения о том, что Бату «получил отпор в Моравии и повернул обратно» [8, с. 426]; теперь он солидаризуется с показаниями источников, объясняющих это событие смертью Угэдэя [9, с. 543].

М.С. Грушевский правильно показывает субординацию Кыпчакской, или Золотой орды и метрополии, которой подчинялись потомки Джучи, однако,

¹² Любопытно, что М.С. Грушевский предпочитает использовать монгольское написание имени этого Чингизида – Бату, а не Батый, как делают все дореволюционные и почти все современные русисты. С.М. Соловьев даже высказался в защиту варианта «Батый»: «странно, по моему мнению, писать Бату вместо Батый, ибо это слово уже русское» [51, с. 83].

ошибочно переносит смерть хагана Мункэ на 1264 г. (вместо общепринятого 1259 г.), после чего, по его мнению, орда обрела независимость от окитаевского улуса хагана Хубилая [9, с. 544].

Касается наш автор и монгольской идеи о высшей власти, которую хан в теории имел над всем миром: «А в центрі цілої організації – хан з необмеженою властю, що уважав ся покликаним до власті над цілим світом» [9, с. 544]; для не желавших подчиниться народов в монгольском арсенале было проверенное средство – террор и уничтожение высших слоев общества (здесь автор ссылается на Платона Карпини) [9, с. 544–545]. Говоря о монгольском терроре в другом месте своего сочинения, М.С. Грушевский объясняет «страшные побивания», к которым систематически прибегал Бату, не его желанием превратить русские земли в пустыню (по мысли историка, Бату уже имел полностью продуманный план включить их в состав Орды), а способом укрепления «спасительного страха» согласно монгольской политической методике [10, с. 148]¹³.

Михаила Николаевича Покровского (1868–1932) мало занимали проблемы монгольской истории и ее идеологических аспектов; тем не менее, кое-что попало на страницы его трудов. Мы не говорим о Приложениях к первому тому его «Русской истории с древнейших времен», где даны фрагменты Ипатьевской и Лаврентьевской летописей с описанием битвы на Калке, покорения Северо-Восточной Руси и взятия Киева. Речь о ханских ярлыках, выдававшихся русским митрополитам. Разбирая отношения русской церкви с монгольскими ханами, М.Н. Покровский коснулся устройства монгольской «вертикали власти» и тех воззрений, которые воплощались в текстах ярлыков. Порядок был освящен самим «Чингизом царем» и другими «первыми царями» монгольскими [37, с. 221], следовательно, ордынские власти формально соблюдали принципы, заложенные еще в эпоху единства империи. Будучи марксистом, автор без обиняков позиционирует церковь как одно из эффективных орудий проведения монгольской политики на Руси. Ханы «получали в свое распоряжение крупнейшую полицейскую силу, позволявшую заменить мечом духовным меч вещественный, который неудобно же было извлекать из ножен слишком часто» [37, с. 221]¹⁴. Позже этот взгляд на роль церкви в русской истории XIII–XV вв. стал в нашей стране каноническим.

В другом месте М.Н. Покровский затронул методы, которыми насаждалась и на которых держалась монгольская власть: уничтожение всех вероятных очагов сопротивления, прежде всего городов (чего не делали прежние степные враги Руси), и тех слоев населения, которые могли его возглавить, т.е. целенаправленная ликвидация враждебной элиты [37, с. 143].

Завершим наш обзор творчеством **Александра Евгеньевича Преснякова** (1870–1929), который тоже не уделял монгольскому «игру» особого внимания и делал мало экскурсов в монгольские дела за пределами русских земель. Заслуживают упоминания его мысли о европейской кампании Батые, который «спешил на запад: его главною целью была Венгрия». Впрочем, как

¹³ О терроре как одном из столпов монгольской власти см.: [15, с. 160–169].

¹⁴ Впрочем, указания на это есть уже у Н.М. Карамзина [21, с. 76].

указывалось выше, внук Чингиз-хана едва ли собирался надолго там закрепиться, но А.Е. Пресняков был убежден, что «дело шло, несомненно, не о набеге, а о завоевании». Весть о смерти Угэдэя заставила Батгья повернуть обратно, и его орда, пройдя через Галичину, Вольту и Киевщину, осела в нижнем Поволжье [43, с. 18]. Похоже, автор не заметил здесь противоречия – как смерть великого хана должна была, в конце концов, вызвать остановку Батгья на Волге? Если Батгый спешил на курултай в Монголию, почему он туда не дошел? А.Е. Пресняков наверняка не планировал анализировать шаги Батгья, и он далеко не одинок в среде историков, не предложивших ответ на эту загадку истории.

Рассмотренные нами произведения российских историков – не просто памятники отечественной историографии, но и источники знаний о монголах для поколений россиян, приоткрывавшие завесу над историей таинственной Азии тогда, когда специальных трудов по населявшим ее народам почти не было либо они были малодоступны. Благодаря сочинениям Н.М. Карамзина, Н.И. Костомарова, С.М. Соловьева и других наших историков в общественном сознании формировался образ монгольских завоевателей и их вождей, складывались представления (порой ошибочные) о монголо-российских отношениях.

Для российской историографии XVII – начала XX вв. характерна узость источниковой базы по монголам; имеющиеся пока еще немногочисленные восточные источники привлекаются к тому же далеко не всеми авторами, а о критическом к ним подходе говорить чаще всего вообще не приходится. Даже имея возможность обратиться к хорошим переводам и трудам востоковедов, историки-русисты делали это не часто – возможно, просто потому, что не испытывали в этом необходимости в силу своих профессиональных интересов, а иногда и вследствие априорно заниженной оценки роли монголов в истории России.

Монгольская империя чаще всего остается за пределами их внимания, вследствие чего нашествие Батгья иногда изображается вообще вне связи с другими военными операциями монголов на евразийском пространстве, как частный эпизод, а целью этой инвазии считается подчинение всей Руси, дабы выкачивать из нее материальные блага. Отчасти это так. Жить за счет ограбления соседей было в порядке вещей. Однако экономические интересы – лишь видимая сторона дела. Мы сильно обедняем наше понимание ситуации, если ограничиваемся этим «базисом» и забываем о «надстройке», игнорируем монгольскую мессианскую идеологию, наглядно представленную в словах хагана Мункэ, адресованных французскому императору Людовику IX (1226–1270): «Когда силою вечного Бога весь мир от восхода солнца и до захода объединится в радости и в мире, тогда ясно будет, что мы хотим сделать» [6, с. 176]. Иначе монголы отличаются от тех же половцев только гораздо большей силой и умением брать города, а это весьма далеко от истины.

Историография данного периода хронически страдает излишним доверием к летописным и другим сообщениям и некритически пересказывает легенды и фольклорные сюжеты. Некоторые историки охотно уподобляются средневековым книжникам в бесконечных обвинениях кочевников в дикости, варварстве, злобе, жадности, бесчеловечности и прочих пороках, демон-

стрируют эмоциональность, прибегают к художественным образам и фантазии. Войны и конфликты монголов с Русью иногда подаются как войны безбожников с христианами, при этом из внимания ускользает тот факт, что монголы считали себя исполнителями Божественной воли – в их понятиях, воли Вечного Синего Неба, а своего хана видели в роли посредника между Небом и Землей. Достаточно типично и простое, монотонное изложение последовательности событий, без попытки их анализа.

По итогам данного обзора нельзя сказать, что наблюдается какая-либо эволюция воззрений российских историков на период Монгольской империи с течением времени. В зависимости от задач, которые ставили перед собой ученые, они либо совершенно о ней умалчивали, либо рассказывали более или менее подробно, и это не зависело от объема доступных им материалов и прогресса мирового востоковедения. Их вклад в освещение темы Монгольской империи далеко не пропорционален их известности. Немало продуктивных идей высказали историки, имена которых сейчас почти забыты, например М.М. Щербатов, Н.А. Полевой. Наряду с этим, отечественная историография знает удачные попытки проникновения в суть этого исторического феномена и в различные его аспекты. Можно лишь сожалеть, что некоторые прозрения наших историков остались по тем или иным причинам практически незамеченными.

Как было показано в настоящей статье, с одной стороны, труды знатоков отечественной истории не были свободны от ошибок, некоторые из которых оказались к тому же весьма живучими. С другой стороны, они содержат немало верных замечаний и догадок, подтвержденных следующими поколениями ученых. Никто из упомянутых нами историков не обращал специального внимания на имперский аспект монгольской власти, но, решая стоявшие перед ними задачи, они затрагивали его в той или иной мере и постепенно накапливали ценную информацию, очевидно, помогшую специалистам-востоковедам реконструировать историю и идеологические устои Монгольской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернгоф А. Россия под игом татар: Историческая картина, составленная А. Бернгофом, ст. учителем русского языка и словесности. Riga: gedr. bei W.I. Backer, 1830.
2. Бестужев-Рюмин К. Русская история. Т. I. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1872.
3. Бестужев-Рюмин К. О злых временах татарщины и о страшном мамеевом побоище. Изд. 3-е. СПб.: Общественная польза, 1891.
4. Васильев В.П. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1857.
5. Воротынцев Л.В. Рязанский гамбит Бату: о новых трактовках сообщений «Повести о разорении Рязани Батыем» в современных исследованиях // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. № 2. С. 284–302.
6. Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
7. Голубинский Е. История русской церкви. Т. II. Ч. 1. М.: Университетская типография, 1900.

8. Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли. От смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типогр. Императорского Университета, 1891.
9. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. II. Київ: Наукова думка, 1992.
10. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. III. Київ: Наукова думка, 1993.
11. Дробышев Ю.И. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.
12. Дробышев Ю.И. Монгольские ритуалы в русских летописях // Вестник Института востоковедения РАН. 2019. № 4 (10). С. 91–102.
13. Дробышев Ю.И. Монгольский хаган как сын Бога // Народы и религии Евразии. 2020. № 4 (25). С. 123–147.
14. Дробышев Ю.И. Монгольская империя и ее идеология в освещении дореволюционных российских историков: от Лызлова до Карамзина // Монголия – Россия: век независимости – век сотрудничества / Сост. и отв. ред. И.В. Кульганек, Т.И. Юсупова. СПб.: ООО ИД «Петрополис», 2021. С. 156–169.
15. Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г. «Заповедники смерти» Монгольской империи // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2 / Отв. ред. Л.Г. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160–169.
16. Зависимость русских земель от Золотой Орды и русско-ордынские отношения: оценка современников и дискуссии в отечественной историографии: учебное пособие / Авт.-сост. И.В. Шорохова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018.
17. Иловайский Д. История Рязанского княжества. М.: Университетская типография, 1858.
18. Иловайский Д. История России. Т. I. Ч. 2. Владимирский период. М.: Типогр. П. Лебедева, 1880.
19. История русской церкви / [Соч.] Макария, митрополита Московского. Т. IV. Кн. I. СПб.: Типогр. Р. Голике, 1886.
20. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. III. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1818.
21. Карамзин Н.М. История государства российского. Т. IV. СПб.: Типогр. Н. Греча, 1819.
22. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Пер. Р.П. Храпачевского // Золотая орда в источниках. Т. III. Китайские и монгольские источники. М.: [Б.и.], 2009. С. 121–291.
23. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. 2. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. М.: Языки русской культуры, 2001.
24. Костомаров Н. Исторические монографии и исследования. Т. XII. Начало единодержавия в Древней Руси. СПб.: Типогр. А. Траншеля, 1872.
25. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Книга первая. Господство Дома Св. Владимира. X–XVI-ое столетия. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1912.
26. Лушников О.В. Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань: Фэн, 2009.
27. Любавский М. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1918.
28. Любавский М.К. Лекции по древней русской истории до конца XVI века. М.: Г.А. Леман и П.С. Филиппов, 1918.
29. Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
30. Майоров А.В. Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги/Steps. 2021. Т. 7. № 3. С. 124–199.
31. [Митрополит Евгений (Болховитинов).] Описание Киевософийского собора и Киевской иерархии. Киев: Типогр. Киевопечерской Лавры, 1825.

32. Мухаметов Ф.Ф. Отечественная историография монгольского завоевания Руси: дисс. ... д.и.н. М., 2007.
33. Наумов П.А. Об отношениях российских князей к монгольским ханам, от 1224 по 1480 год. СПб.: Типогр. Департамента народного просвещения, 1823.
34. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. Вып. I. СПб.: «Столичная Скоропечатня», 1899.
35. Платонов С.Ф. Учебник русской истории для средней школы. Петроград: Типогр. Я. Башмакова и Ко, 1917.
36. Погодин М. Древняя русская история, до монгольского ига. Т. II. М.: Синодальная типография, 1871.
37. Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. I. М.: Издание т-ва «Мир», 1913.
38. Полевой Н. История русского народа. Т. III. М.: Типогр. Августа Семена, 1830.
39. Полевой Н. История русского народа. Т. IV. М.: Типогр. Августа Семена, 1833.
40. Полевой Н. История русского народа. Т. V. М.: Типогр. Августа Семена, 1833.
41. Политов В.В. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-политические институты княжеств Северо-Восточной Руси: дисс. ... к.и.н. М., 2017.
42. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб.: Типогр. М.А. Александрова, 1908.
43. Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1939.
44. Пушкин А.С. Собрание сочинений: в десяти томах. Т. 10. Письма 1831–1837. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962.
45. Рихтер А. Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Соревнователь просвещения и благотворения. 1822. Ч. XVII. Кн. III. С. 249–270.
46. Рихтер А. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Ч. XXII. Кн. LXII. № 62 (июнь). С. 333–371.
47. Рыкин П.О. Этническая идентичность средневековых монголов как политический конструкт: опыт анализа источников // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII – начало XX в.) / Отв. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 248–294.
48. Сагарадзе М.И. «Значение А.С. Грибоедова в умственном развитии русского общества» и «Влияние монгольского ига на Россию»: Две публичные лекции, читанные в г. Кутаисе 14 и 26 апреля 1895 года. Кутаис: Типогр. В.П. Зедгинидзе и П.Н. Перадзе, 1895.
49. Сарайская и Крутицкая епархия / [Соч.] Священника Н.А. Соловьева // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1894 год. Кн. 3. М.: Университетская типография, 1894. С. 1–226.
50. Соловьев К.А. Дело власти. Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – I пол. XV вв.). М.: МАКС-Пресс, 2001.
51. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. I–V. СПб.: Общественная польза, [1895].
52. Трубкин В.В. Отечественная историческая литература о русско-ордынских и русско-литовских отношениях в середине XIII–XV вв.: дисс. ... к.и.н. Омск, 2007.
53. Устрялов Н. Начертание русской истории, для средних учебных заведений. Изд. 4-е. СПб.: Типогр. Штаба Военно-Учебных Заведений, 1842.
54. Устрялов Н. Русская история. Ч. I. Изд. 5-е. СПб.: Типогр. Аполлона Фридрихсона, 1855.

55. Чимитова Д.К. Отечественная историография влияния монголо-татарского ига на социально-экономическое, политическое и культурное развитие Руси // Чингисхан и судьбы народов Евразии: материалы междунар. науч. конф., г. Улан-Удэ, 3–5 октября 2002 г. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2003. С. 288–294.

56. Щербатов М. История Российская от древнейших времен. Т. III. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1774.

57. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1–2. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1889–1891.

Сведения об авторе: Юлий Иванович Дробышев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Востока Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

Поступила 15.02.2022 Принята к публикации 27.06.2022
Опубликована 29.09.2022

REFERENCES

1. Bergnof A. Russia under the yoke of the Tatars: A historical picture compiled by A. Bernhof, a senior teacher of the Russian language and literature. Riga: gedr. bei W.I. Backer, 1830 (In Russian)

2. Bestuzhev-Ryumin K. Russian History. Vol. I. St. Petersburg: Tipogr. A. Transhelya, 1872 (In Russian)

3. Bestuzhev-Ryumin K. About the evil times of the Tatar people and the terrible Mamay massacre. 3rd ed. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, 1891 (In Russian)

4. Vasil'ev V.P. History and antiquities of the eastern part of Central Asia from the X to the XIII century, with an appendix of the translation of Chinese news about the Khitans, Jurchens and Mongol-Tatars. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1857 (In Russian)

5. Vorotyntsev L.V. Batu's Ryazan Gambit: on new Interpretations of the Messages from "The Tale of the Destruction of Ryazan by Batu" in Modern Research. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2022, vol. 10, no. 2, pp. 284–302 (In Russian)

6. Gil'om de Rubruk. Travel to the Eastern countries. *Travels to the Eastern countries*. Moscow: Mysl', 1997. Pp. 86–189 (In Russian)

7. Golubinskiy E. History of the Russian Church. Vol. II. Part 1. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1900 (In Russian)

8. Grushevskiy M.S. *An essay on the history of the Kiev land. From the death of Yaroslav to the end of the XIV century*. Kiev: Tipogr. Imperatorskogo Universiteta, 1891 (In Russian)

9. Grushevskiy M.S. *History of Ukraine-Russia*. Vol. II. Kiiv: Naukova dumka, 1992 (In Ukrainian)

10. Grushevskiy M.S. *History of Ukraine-Russia*. Vol. III. Kiiv: Naukova dumka, 1993 (In Ukrainian)

11. Drobyshev Yu.I. Funeral and memorial rites of the medieval Mongols and their ideological foundations. *Ethnographic review*. 2005, no. 1, pp. 119–140 (In Russian)

12. Drobyshev Yu.I. Mongolian rituals in Russian chronicles. *Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. 2019, no. 4 (10). Pp. 91–102 (In Russian)

13. Drobyshev Yu.I. Mongol Khagan as a son of God. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2020, no. 4 (25). Pp. 123–147 (In Russian)

14. Drobyshev Yu.I. The Mongol Empire and its ideology in the light of pre-revolutionary Russian historians: from Lyzlov to Karamzin. *Mongolia – Russia: the age of independence – the age of cooperation* / Comp. and ed. by I. V. Kulganek, Vol. I. Yusupova. St. Petersburg: OOO ID «Petropolis», 2021. Pp. 156–169 (In Russian)

15. Drobyshev Yu.I., Yurchenko A.G. “Reserves of death” of the Mongol Empire. *Siberian collection-1: Funeral rites of the peoples of Siberia and adjacent territories*. Book 2 / Ed. by L. G. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. Pp. 160–169 (In Russian)

16. Russian lands' dependence on the Golden Horde and Russian-Horde relations: Assessment of contemporaries and discussions in Russian historiography: a textbook / Author-comp. I. V. Shorokhova]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2018 (In Russian)

17. Ilovayskiy D. History of the Ryazan Principality. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1858 (In Russian)

18. Ilovayskiy D. History of Russia. *Vol. I. Part 2. Vladimir period*. Moscow: Tipogr. P. Lebedeva, 1880 (In Russian)

19. The history of the Russian Church / By Makariy, Metropolitan of Moscow. Vol. IV. Book I. St. Petersburg: Tipogr. R. Golike, 1886 (In Russian)

20. Karamzin N.M. History of the Russian state. Vol. III. St. Petersburg: Tipogr. N. Grecha, 1818 (In Russian)

21. Karamzin N.M. History of the Russian state. Vol. IV. St. Petersburg: Tipogr. N. Grecha, 1819 (In Russian)

22. Chinese dynastic history “Yuan Shi (the Official history of [dynasty] Yuan)” / Tr. by R.P. Hrapachevskiy. *Golden Horde in the sources. Vol. III. Chinese and Mongolian sources*. Moscow, 2009. Pp. 121–291 (In Russian)

23. Kloss B.M. Selected works. Vol. 2. Essays on the history of Russian hagiography of the XIV–XVI centuries. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2001 (In Russian)

24. Kostomarov N. Historical monographs and researches. Vol. XII. The beginning of unity in Old Russia. St. Petersburg: Tipogr. A. Transhelya, 1872 (In Russian)

25. Kostomarov N.I. *Russian history in the biographies of its main figures. The first book. The rule of the House of St. Vladimir. X–XVI centuries*. St. Petersburg: Tipogr. M.M. Stasyulevicha, 1912 (In Russian)

26. Lushnikov O.V. The Mongol Empire in the historiography of the XVIII–XX centuries. Kazan': Fen, 2009 (In Russian)

27. Lyubavskiy M. The history of the Western Slavs (Baltic, Czechs, and Poles). Moscow: Izdanie M. i S. Sabashnikovoykh, 1918 (In Russian)

28. Lyubavskiy M.K. Lectures on ancient Russian history until the end of the XVI century. Moscow: G.A. Leman i P.S. Filippov, 1918 (In Russian)

29. Magistr Rogeriy. *A sorrowful song about the destruction of the Hungarian Kingdom by the Tatars* / Tr. by A.S. Dosaev. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2012 (In Russian)

30. Mayorov A.V. Woman, Diplomacy and War: Russian Princes in Negotiations with Batu on the Eve of the Mongol Invasion. *Steps/Steps*. Vol. 7, no. 3, pp. 124–199 (In Russian)

31. [Mitropolit Evgeniy (Bolkhovitinov).] Description of the Kievosophical Cathedral and the Kiev hierarchy. Kiev: Tipogr. Kievopecherskoy Lavry, 1825 (In Russian)

32. Mukhametov F.F. *Domestic historiography of the Mongol conquest of Russia*: Abstract of the Doctor of Science dissertation. Moscow, 2007 (In Russian)

33. Naumov P.A. On the relations of Russian princes to the Mongol Khans, from 1224 to 1480. St. Petersburg: Tipogr. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1823 (In Russian)
34. Platonov S.F. Lectures on Russian history. Issue I. St. Petersburg: Stolichnaya Skoropechatnaya, 1899 (In Russian)
35. Platonov S.F. Textbook of Russian history for secondary schools. Petrograd: Tipogr. Ya. Bashmakova i Ko, 1917 (In Russian)
36. Pogodin M. Old Russian history before the Mongol yoke. Vol. II. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1871 (In Russian)
37. Pokrovskiy M.N. Russian history since ancient times. Vol. I. Moscow: Izdanie t-va «Mir», 1913 (In Russian)
38. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. III. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1830 (In Russian)
39. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. IV. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1833 (In Russian)
40. Polevoy N. The history of the Russian people. Vol. V. Moscow: Tipogr. Avgusta Semena, 1833 (In Russian)
41. Politov V.V. Domestic historiography of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-political institutions of the principalities of North-Eastern Russia: Ph.D. dissertation. Moscow, 2017 (In Russian)
42. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. II. The Hypatian Codex. 2nd ed. St. Petersburg: Tipogr. M.A. Aleksandrova, 1908 (In Russian)
43. Presnyakov A.E. *Lectures on Russian history. Vol. II. Issue 1. Western Russia and the Lithuanian-Russian state*. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izd-vo, 1939 (In Russian)
44. Pushkin A.S. Works in ten volumes. Vol. 10. Letters of 1831–1837. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1962 (In Russian)
45. Rikhter A. Something about the impact of the Mongols and Tatars on Russia. *A competitor for education and charity*. 1822. Part XVII. Book III. Pp. 249–270 (In Russian)
46. Rikhter A. A study on the influence of the Mongol-Tatars on Russia. *Domestic records*. 1825. Part XXII. Book LXII, no. 62 (June). Pp. 333–371 (In Russian)
47. Rykin P.O. Ethnical Identity of Medieval Mongols as a Political Construct: Experience of Sources Analysis. *Siberia in the Context of Russian Model of (XVII – beginning of XX c.)* / Ed. by L.R. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAS, 2014. Pp. 248–294 (In Russian)
48. Sagaradze M.I. “The significance of A. S. Griboyedov in the intellectual development of Russian society” and “The influence of the Mongol yoke on Russia”: Two public lectures delivered in Kutaisi on April 14 and 26, 1895. Kutais: Tipogr. V.P. Zedginidze i P.N. Peradze, 1895 (In Russian)
49. Saray and Krutitsy diocese / By the priest N. A. Solovyov. *Readings at the Imperial Society of History and Antiquities of Russian at the Moscow University*. 1894. Book 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1894. Pp. 1–226 (In Russian)
50. Solov'ev K.A. *The case of power. Russian historians on power relations in Old and Medieval Russia (IX – 1st half of XV centuries)*. Moscow: MAKS-Press, 2001 (In Russian)
51. Solov'ev S.M. *The history of Russia since ancient times*. Book 1. Vol. I–V. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za, [1895] (In Russian)
52. Trubkin V.V. *Russian historical literature about the Russian-Horde and Russian-Lithuanian relations in the middle of the XIII–XV centuries*: Ph.D. dissertation. Omsk, 2007 (In Russian)

53. Ustryalov N. The outline of Russian history, for secondary educational institutions. 4th ed. St. Petersburg: Tipogr. Shtaba Voenno-Uchebnykh Zavedeniy, 1842 (In Russian)

54. Ustryalov N. Russian history. Part I. 5th ed. St. Petersburg: Tipogr. Apollona Fridrikhsona, 1855 (In Russian)

55. Chimitova D.K. Russian historiography of the influence of the Mongol-Tatar yoke on the socio-economic, political and cultural development of Russia. *Genghis Khan and the fate of the peoples of Eurasia: materials of the international scientific conference, Ulan-Ude, October 3–5, 2002*. Ulan-Ude: Izd-vo BGU, 2003. Pp. 288-294 (In Russian)

56. Shcherbatov M. *Russian history from the most ancient times*. Vol. III. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1774 (In Russian)

57. Ekzemplyarskiy A.V. The Great and appanage princes of Northern Rus' in the Tatar period, from 1238 to 1505. Vol. 1–2. St. Petersburg: Tipogr. Imperatorskoy Akademii nauk, 1889–1891 (In Russian)

About the author: Yuliy I. Drobyshev – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9318-4560. E-mail: altanus@mail.ru

*Received February 15, 2022 Accepted for publication June 27, 2022
Published September 29, 2022*